

Предисловие

Что было в предыдущем томе

 Наш современник ехал на военно-исторические маневры «Призвание Рюрика». Но в силу природных особенностей решил пустить пыль в глаза и прибыть красиво. Поэтому выгрузил своего коня из трейлера на подъезде. Оседлал его. Упаковал. Сам снарядился. Вроде как верхом прибыл издалека. Даже оружие взял не то, что для потех в бугурте¹ или турнире, а особой выделки, хорошейковки и заточки — чтобы ярче покрасоваться. Глупо, конечно. Можно было легко нарваться на штрафы или даже выяснение отношений с полицией. Но кто в таком возрасте не любит пустить пыль в глаза окружающим? Особенно если за банкет платит не он. В общем — сел Ярослав на коня да поехал через лес. Водителя же отправил обычным ходом по разбитой дороге...

Но что-то пошло не так. То ли лес оказался заколдованный, то ли вмешались какие-то высшие силы, то ли еще какая аномалия приключилась, но въехал он в лес в начале XXI века, а выехал в 858 году, то есть

¹ Бугурт — массовое постановочное сражение. Бытует со времен Средневековья, когда было частью турниров или военных игр. В наши дни — вариант «стенка на стенку», только в доспехах и с гуманизированным оружием (затупленным, как правило).

во второй половине IX века. И не там, где заезжал, а недалеко от Гнезда — поселения, известного в наши дни как Гнездово, что недалеко от Смоленска. Строго говоря — это и был старый Смоленск, который перебрался на современное место только в XI веке.

Ярослав прибыл к Гнезду в тот самый момент, когда его ополчение воевало с пришлой державой викингов. И он вмешался, переломив исход битвы. А потом еще и раненым помог как мог. Все это подвигло местных предложить ему стать новым военным вождем поселения. Старый-то погиб. А отказаться он не решился, законно опасаясь того, что в этом случае его просто прибьют и ограбят. Вон на нем какое дорогое имущество надето.

С этого-то момента все и пошло-поехало...

Любил старину? Лови. Живи да радуйся. Но не тут-то было. Ярослав не стал просто так сидеть и ждать у моря погоды. Он прекрасно осознавал, в какую сложную эпоху и в какое трудное место загремел. Поэтому, потихоньку конфликтуя с местными старейшинами, парень пытался укрепить свое положение, опираясь то на те, то на другие силы. Ярослав стремился максимально подготовить поселение к отражению вторжения большой дружины викингов, которая должна была произойти в ближайшие годы. Старейшины же старались не дать парню набрать слишком большой политический вес, максимально ограничивая его власть и вставляя палки в колеса. Они опасались, что он сможет подмять все вокруг под себя, если его не сдерживать.

Достаточно быстро Ярослав сошелся с местной жрицей Макоши — Преславой, которая стала его сожительницей. Подружился с волхвом Перуна и кое с кем из викингов, что возили товары этим путем. А когда подтянулись представители Византии, что лазили по этим краям, произошел весьма неприятный

инцидент. Эти фантазеры признали в нем бастарда покойного Василевса Феофила, рожденного ему его любовницей Кассией. Той самой, которая едва не стала ему женой. Почему не стала? Так вмешательство мачехи вынудило отказаться Феофила от своего выбора в пользу более интересной кандидатки. Все это закрутило и завертело ситуацию в Гнезде совершенно лихим образом, можно даже сказать — диким. Интриги громоздились одна на другую, враз взбаламутив тихое болото этих мест самым бессовестным образом.

Будучи военным вождем поселения Ярослав отразил несколько набегов на Гнездо: налеты дружин викингов и соседей — радимичей. Он сумел ввести обязательную регулярную тренировку для ополчения, а также арсенал, в котором хранилось единообразное снаряжение для всех ополченцев поселения, приобретаемое вкладчину. Этим единообразным снаряжением стали большие круглые клееные щиты, копья да плюмбаты — маленькие дротики поздней Античности. В общем — он старался максимально облегчить свои будущие сражения. И не только в плане подготовки ополчения Гнезда, но и дипломатически. Например, он нашел общий язык с ярлом Ладоги и с восточной частью племени кривичей. Поэтому, узнав о подходе армии Хрёрика, он смог призвать на помощь союзников из племени и выступить общей армией в поход. И там в полевом сражении разбить викингов наголову.

Итогом этой победы стало провозглашение Ярослава конунгом Гнезда, а не его военным вождем. То есть произошло повышение статуса. Кроме того, в нем не только «узнали» бастарда покойного Василевса, но и признали это на самом высоком уровне. Появилась его мать. Родственники. И это оказалось до крайности опасно. Потому что Византия — это Византия. Там интриги так же естественны, как мухи

на навозной куче. Тем более что Аморе́йская династия, к которой формально был отнесен Ярослав, пала в результате переворота Варды. И теперь там правил Вардан I Мамиконян. Не без участия Ярослава, кстати. Он своим длинным языком и деятельным характером уже довольно сильно повлиял на исторические события в этой реальности.

Кроме этого переворота многое пошло не так, как должно было пойти. Например, конунг фрисландских данов Хрёрик был разбит под Ладогой и попал в руки своих врагов — саксонцев. А гегемоном в регионе стал по факту он — Ярослав, а не пресловутый Рюрик. При этом герцог Саксонии взял под свой контроль Фризию, принадлежавшую до того Хрёрику. Более того — он договорился с викингами на тех же условиях, что и старый владелец территории. То есть он предоставлял им свои земли в качестве плацдарма для нападений и грабежей на державы франков и острова Британии. А они делились с ним своей добычей. Из-за чего волна грабежей и разбоя стала еще более мощной, нежели в оригинальной истории. Как и торговые потоки, сбывающие награбленное на юго-востоке: через Днепр в Византии и через Волгу в Персии.

Папа Римский оказался публично обвинен в использовании подложных Исидоровых декреталий, подделанных еще Карлом Великим. Из-за чего попал в очень сложную ситуацию. Он был дискредитирован как авторитет в международной политике и богословии, попав фактически в международную изоляцию. А концепция короны Запада, как и всей Империи Карла Великого, оказалась под большим идеологическим ударом. Ситуация усугублялась еще и тем, что именно франков грабили викинги, которых воспринимали как наказание божье за грехи. И теперь всем стало ясно — за какие грехи. В глазах простых обывателей в их бедах оказались виновны короли и Папы из-за

этой своей измены и лжи. В общем — на западе Европы ситуация выглядела куда хуже, чем в оригинальной середине IX века. И ухудшилась она буквально за год. Резко и очень сильно.

И все это происходило на фоне укрепления позиций Византии. Потому что новый Василевс Вардан I смог заключить очень интересные и выгодные династические браки с Болгарским и Моравским княжествами. Это обеспечило мир и покой на Балканах. А значит, и покой для европейских владений его державы. Династический брак с лидером армян Халифата облегчил положение Византии в Малой Азии. А брак сестры дочери бывшего Василевса с аристократическим родом из Южной Италии вывел Византию под стены Рима. Ну, почти. Что в сложившейся ситуации практически роняло Рим в руки Константинополя.

Мир буквально за два года активной деятельности Ярослава поменялся. Казалось бы, немного, но на самом деле очень существенно...

Пролог

861 год. 1 июня. Гнездо

Ярослав вышел на крыльцо и вдохнул свежий утренний воздух. Было чуть зябко из-за росы. Но не сильно. Едва-едва. Да и, видимо, сказывалось еще, что он только проснулся, то есть валялся без движения.

Пару недель назад начался третий год его нахождения в этой древности. И проблем от этого меньше не стало. Скорее напротив...

Следом за ним на крыльцо вышла Пелагея. Ну, то есть Преслава. Она хоть и приняла христианство, но от должности жрицы Макоши не отказывалась. Это было вполне обыденно для язычников и прекрасно укладывалось в их головах. Ведь для них христианский бог был просто еще одним из многих.

— Не выспался? — тихо спросила она.

— Да нет. А что?

— Так хмурый вон какой. Что-то болит?

— Конечно, болит. Ты на ноге у меня стоишь.

— А? Где? Ах! Ты опять шутишь?

— Шучу.

— Что с тобой? Ты же вроде утро любишь и всегда свеж и полон сил с первыми лучами солнца.

— Думаю думаю... пойдём прогуляемся...

Она молча кивнула и последовала за мужем. Тем более что он был полностью готов к этой прогулке.

Проснувшись, он успел провести утренний моцион и одеться нормально в помещении. Чай, не самая последняя средневековая дыра. И печь нормальная, с дымоходом. И освещение от фитильной лампы, что работала на древесном спирте. Не очень ярко, но вполне себе. Во всяком случае, это было не в пример лучше, чем раньше возиться в прокопченном сарайчике, имея для освещения либо лучину, либо масляную глиняную лампу, что нещадно коптила и почти не давала никакого света. Супруга его тоже была вполне упакована, поэтому никому никого ждать не пришлось.

Они прошлись по двору и вышли за ворота. К речке. Где по раннему времени никого еще не было. Сели на бревнышко поленницы. Их за зиму натаскали на летнюю стройку. Вот они и лежали с просветом, чтобы просохнуть и проветриться. Местами высоко и неудобно, а местами и сесть можно было. Вот они и сели. Молча.

— Что тебя тревожит? — наконец спросила Пелагея после пары минут гнетущей тишины.

— Мне кажется, что над нами стущаются тучи. Страшные тучи. И буря будет такой, что мы можем ее не пережить. Как бы нам бежать не пришлось, спасая жизни.

— Куда бежать?

— Да куда угодно.

— Что случилось? — напряглась она, подавшись вперед.

— А ты сама не видишь? Нет? Твою мать... — тяжело вздохнул Ярослав и выплюнул травинку, кончик которой до этого жевал.

— При чем здесь моя мать?

— Ты не обратила внимание на то, как увеличилось население Гнезда за последний год? Полторы сотни ополчения. Да моя личная дружина — четы-

ре десятка. Семь десятков сосланных ремесленников из ромеев. Почти сотня пришедших из племени на заработки. Плюс десяток свеев, прибывших переселением. Триста шестьдесят человек¹. И это — только мужчин. Взрослых мужчин. Когда я прибыл сюда, их здесь жило вдвое меньше. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнула она. — Но не понимаю, почему ты переживаешь. Радоваться ведь надо. Это ведь в случае нападения больше трех сотен можно в строй поставить. Славное дело!

— Так и есть, — грустно произнес Ярослав.

— Так что же тебе не нравится?

— А кормить их я чем буду? Это без малого четыре сотни мужчин. Многие без женщин. Но они их найдут. Быстро найдут. И через год-два их уже под тысячу окажется. А ведь от союза мужчины и женщины обычно появляются дети. Так что это только начало...

— Разве это твои проблемы? Пусть сами о себе пекутся. Ты им конунг, а не мамка.

— Многие из них мне служат или ко мне пришли на работы.

— Ты конунг, — с нажимом произнесла Пелагея.

— Там, откуда я пришел, конунгов нет. Я мыслю иначе. Я волей-неволей ставлю себя во главе всего этого поселения, которое мню вмененное мне во власть высшими силами. Для защиты и процветания. И при таком подходе на мне и война, и кров, и корм. И даже защита от болезней. Все на мне.

— А на что же тогда нужны старейшины? — неподдельно удивилась Пелагея.

¹ 151 ополченец, 40 дружинников (Ярослав, 2 бывших раба, 7 поклонников Перуна, 10 скутуариев и 20 токсотов Византии), 72 осужденных на ссылку ремесленника из Византии, 93 пришедших на заработки из племени кривичей, 8 свеев-переселенцев.

— Как на что? Чтобы мешать мне.

— Ясно, — кивнула супруга с усмешкой. — Все равно не вижу смысла переживать. Пришлых ремесленников да соплеменников можно в леса отправить на зимовку.

— Нельзя, — покачал головой Ярослав. — В том-то и дело, что нельзя. Иначе бы я уже стал плодить малые поселения вокруг Гнезда. Но это — плохая идея. Ты просто не понимаешь, какие над нами сгущаются тучи. Викинги...

— Викинги? — перебила Пелагея мужа. — Ты же их разбил. Куда им теперь?

— Я разбил одного их конунга. Дом Скьельдунг оказался уничтожен. Но это ничего не значит. Знаешь, сколько там еще этих домов? Знаешь, сколько драккаров они могут выставить? Сотни полторы-две. Это если прямо вот сейчас все вместе выйдут. А так — по двадцать-тридцать драккаров могут регулярно выставлять в походы на нас. А то и больше. Поступок герцога Саксонии приведет только к одному — через нас и Ладогу пойдет больше караванов с награбленным. И наши поселения станут еще более соблазнительной добычей. Не только для викингов, но и для других соседей. Тех же хазар. С каждым днем на Гнездо облизываться будут все больше и больше. А значит, нам нужно стремиться всемерно укрепиться. А это невозможно без увеличения количества рабочих рук в одном месте. Здесь. А их нечем кормить... замкнутый круг получается...

— Можно избавиться от лошадей, что ты завел. Сорок всадников-недорослей — это никуда не годится. Баловство.

— Если бы, — покачал головой Ярослав. — Это наши глаза и уши в походе. Без коней очень туго нам придется. Даже таких убогих.

— Да, но сколько жрут эти лошади! И не только травы. Ты ведь их и зерном кормить вздумал!

— Подкармливать.

— Оттого не легче.

— Вот оттого и печалюсь. Думаю — где можно взять столько корма. А ведь скоро на заработки к нам будут не только кривичи¹ приходиться. От них труд и польза. А от меня что? Как я их прокормлю? А надо... И две тысячи надо, и три... И где их всех размещать? На улице под дождем? А зимой?

Пелагея промолчала.

Ярослав же еще несколько минут сокрушался, а потом попытался вытянуть из супруги совет. Может быть, она что знает или что предложить может?

Требовалось в самые сжатые сроки где-то добыть хоть какой-нибудь еды, чтобы прокормить всю ту толпу, что образовалась и стремительно росла у него под рукой. И укрепление строить. Потому что без укрепления в поход не пойти. Рискованно очень. Ты за порог, а к тебе гости. А без похода покоя не добиться. В обороне победы не добыть. Да и вообще — пора уже переводить все на совершенно другой уровень. Все эти первобытные игры Ярослава совершенно достали.

Как там было в древней компьютерной игре? Накопив совокупность технологии, можно и нужно перейти в более совершенную эру. А он все топтался в первобытности. И Ярославу отчаянно хотелось уже сделать этот level-up и выбраться из до крайностей опротивевшей ему этой чертовой варварской эпохи. Не так,

¹ К р и в и ч и — название восточнославянского племени. Территориально проживали преимущественно на Смоленской возвышенности. Этимологий названия масса. Самая вероятная — происхождение от древнеславянского слова «кривъ», то есть «кривой», говорящее о том, что они жили в кривой, изрезанной, холмистой местности. Но точно этого никто не знает.

чтобы ему было это зачем-то нужно в каком-то идейном плане. Нет. Ему было плевать на светлое будущее и прочие глупости. Просто в совсем уж архаичной среде совершенно невозможно заниматься серьезными делами. Общество еще слишком примитивно во всех смыслах этого слова. Не украсть и не покараулить. Даже крепость нормальную не построить — выкручиваться надо. Народ в округе пока не созрел и не вполне понимает ценность хороших укреплений. А даже если и понимает, то не хочет напрягаться с их возведением. Крепость ведь не сарай. Усадьбу укрепленную — еще куда ни шло. Но крепость... тем более большую и серьезную? Да ну... Вот Ярослав один лбом и пытался пробить эту стену звенящего непонимания.

Он ведь по осени что думал? Правильно. Строить себе нормальный маленький замок самого обычного типа. Из римского кирпича¹. Но то — по осени. С тех пор ситуация изменилась. И теперь эта идея была напрочь лишена смысла. Ему нужно было теперь что-то большее. Вместительное и просторное, чтобы заселить всех своих людей и укрыть их имущество. Маленький красивый замок — замечательная вещь... только очень маленькая. Слишком маленькая. Да и в плане постройки весьма недешевая. Не в деньгах, нет. В человеко-часах и, как следствие, в еде. А еда и время были для него теперь важнейшими стратегическими ресурсами. И крайне дефицитными. Особенно еда хорошая, а часы квалифицированного труда.

Ярослав в свое время, во время увлечения военно-исторической реконструкцией, с головой погру-

¹Классический римский кирпич — это гашеная известь, смешанная с водой и каким-нибудь наполнителем, например песком или даже обычной землей. После того как она схватывается, получается довольно прочный материал. И главное — его обжигать не нужно.